

С одной стороны, Виктарион получал огромное удовольствие. Конечно, мешок Пентоса был жалким, как мешки; его людям было поручено удерживать Врата Восхода от всех желающих, поэтому они упустили добычу и женщин, которых, судя по всему, и так было не очень много. Тем не менее, они заплатили большую часть цены железа благодаря группе сообразительных магистров, которые схватили свою домашнюю охрану и их семьи и попытались бежать за своими поместьями. Охранники-евнухи в своих остроконечных шапках понесли некоторые потери, но немногие мужчины могли соперничать с Железнорожденными, когда дело касалось ударов руками. Это почти компенсировало потерю грабежа.

То, что последовало дальше, было одновременно и приятным, и тревожным.

Забавно, потому что, пока отряд отправился покорять сельскую местность, Виктарион и его Железнорожденный остались в городе, чтобы помочь юстициарию Бахолису вершить правосудие.

На большой рыночной площади был накрыт длинный стол с местами для Бахолиса и его товарищей-юстициариев. За другим столом сидела четверка писцов, а перед столом юстициариев стоял одинокий стул. В этом кресле сидели магистры и торговцы, арестованные компанией «Сансет» при захвате города, которых удерживала в кресле пара грабителей Виктариона, пока проверяли их бумаги и допрашивали их «слуг».

Виктарион почувствовал отвращение, когда ему объяснили, как пентоши обходят законы Браавоси. Если вы хотели держать рабов, то это было ваше дело; хотя у настоящего мужчины хватило бы смелости заплатить за них цену железа, а не цену золота. Но если тебе было запрещено держать рабов и ты не мог снять запрет топором и мечом, то и пытаться это делать нечего. Если вы нарушили законы и не смогли защитить себя от последствий, значит, вы заслужили то, что получили.

Каждый «слуга», признанный на допросе рабом, немедленно объявлялся свободным и получал компенсацию из имущества своего бывшего хозяина. В каждом случае присужденная компенсация была максимальной суммой, разрешенной законом Браавоси.

Юстициарии определили рабство. . . широко.

— Ваш хозяин дал деньги вашему бывшему хозяину, когда вы поступили к ним на службу? спросил один. «Оплата, полученная за ваши услуги, не покрыла стоимость вашей кровати, питания и одежды?» — спросил другой. — Вы были клеймены и носили ошейник? — спросил третий. — По мне, так это рабство, — сказал Бахолис. Перо царапало по пергаменту. Освобожден, присуждена максимальная компенсация

Девять из десяти обследованных «слуг» были освобождены таким образом. В остальном юстициарии просматривали записи своих хозяев. В восьми случаях из десяти эта проверка предоставила доказательства рабства, что привело к свободе и максимальной компенсации. Каждый «слуга», в отношении которого были неадекватные записи или вообще отсутствовали записи, также был освобожден с максимальной компенсацией.

Юстициарии определили адекватные записи. . . тщательный.

«Чернила на этом смазаны», — заявил один из них. «Вряд ли можно разобрать», — провозгласил другой. «Отвратительная каллиграфия», — сказал третий. — Явно недостаточно, — согласился Бахолис. Царапать, царапать. Освобожден, присуждена максимальная компенсация.

Некоторые из рабовладельцев пытались возражать. Удара кулака разбойника и рычащего предупреждения было достаточно, чтобы заставить их замолчать. Вы проявите уважение к заслуженным юстициариям, вороны съедят ваши глаза. В следующий раз, когда ты замолчишь, ты выплунешь зубы. Время после этого, вы будете плевать кишки. Испытай нас, мягкорукий бесхребетный ублюдок.

Дальнейшее для рабовладельцев было менее приятным, но все же убедительным. Каждый человек, признанный виновным в владении рабами, был лишен всего своего имущества и отправлен в сторону, чтобы быть заключенным в подземелья под дворцом принца до тех пор, пока они не могли быть доставлены в Браавос, чтобы провести остаток своей жизни в качестве гребцов на республиканских галерах. Всякий, кто был признан виновным в торговле рабами из-за границы или в пределах Пентоса, также лишался имущества, но вместо заключения приговаривался к смертной казни и обезглавливался на месте; Викторин занял свою очередь при исполнении служебных обязанностей по рекомендации Дагмера. Во всяком случае, это сдерживало ворчание по поводу того, что они стали обычными палачами; на самом деле, многие из мужчин казались довольными тем, что Браавоси через них требовали железную цену за нарушение их законов, хотя было условлено, что Бахолис должен сам рубить топором по крайней мере одного или двух из работарговцев, ради своей чести. Несколько из каждого класса заключенных, те, кто владел особенно большим количеством рабов или продавал их, или кто жестоко обращался с ними больше, чем обычно, были переданы их жертвам, которые неизменно убивали их.

Эта последняя часть не позволила всему опыту стать чистым удовлетворением. Викторин был мальчиком, когда его отец объявил рабов Железных островов свободными, но он помнил излияние радости и благодарности рабов, когда это было объявлено. Один старик, согбенный и иссохший в рудниках, едва не поцеловал сапоги отца, когда тот узнал об этом, плача от счастья. У большинства рабов здесь была похожая реакция. Некоторые выглядели более сбитыми с толку, а один или двое даже выглядели испуганными, но многие плакали, или молили богов о благосклонности юстициариев, или танцевали от радости. Один застрял в памяти Викторина; молодая женщина, почти девочка, удивительно красивая, которая распростерлась перед юстициариями и сказала что-то на зыбком, гортанном языке, от чего Бахолис покраснел и закашлялся, что звучало как смущение, прежде чем отмахнуться от нее. Викторин не знал, что она сказала, но мог догадаться.

Викторин знал, что с рабами, которых его семья держала в рабстве, обращались хорошо. Их еда и одежда были обеспечены, и только самых худших из них высекли или отправили в самую глубокую из шахт. Конечно, он никогда не слышал о том, чтобы кто-то из рабов подвергался жестокому обращению со стороны юстициариев.

Почему же тогда они отреагировали примерно так же, как эти освобожденные рабы?

Викторин раздраженно покачал головой. Такие мысли были у мейстеров и, может быть, у его брата Эурона, возомнившего себя . . . какая была фраза, что-то Эссоси. . . Философ, вот и все. Викторин умел обращаться с топором, а не с разумом.

Но сходство все же заставляло его не спать по ночам.

XXX

Эддарт встал на колени на краю дороги к северу от Пентоса в окружении своих лейтенантов. — Что дальше? — спросил он Итана Гловера, который фактически стал его оруженосцем с тех пор, как они высадились в Эссосе.

Итан развернул карту Северных равнин, которую им предоставили, и проследил их продвижение по дороге, ведущей на север. — Что-то на валирийском, что я не могу произнести, — кисло сказал он, — хотя, насколько я могу разобрать, это переводится на Всеобщий как «Прекрасные дубы». Он сверился с пачкой заметок, приложенных к карте. У титана было много глаз, чему в немалой степени способствовал Оуэн Мерривезер, который при первой же возможности предложил устроить пир для офицеров компании «Сансет». — Судя по всему, он принадлежит какому-то педику по имени Иллирио Мопатис, торговавшему среди прочего сырами и специями.

— «Другие вещи», без сомнения, означающие рабов, — пророкотал Большой Джон, хрустя костяшками пальцев.

— Он был в городе, когда мы взяли его? — спросил Марк Рисуэлл.

«Очевидно, нет, так как он был в немилости у принца», — ответил Итан, просматривая записи. «Похоже, он был женат на кузине принца, но она умерла несколько лет назад, и он недавно женился во второй раз, на работнице дома подушек. Очевидно, принц возражал. Послышались кивки; ни один из присутствующих лордов не воспринял бы это любезно, если бы их зять обесчестил память об их родстве, женившись на шлюхе. — В любом случае у нас есть на него судебный приказ. Похоже, его звезда взошла, несмотря на враждебность принца; он только два года назад купил Фэйр-Оукс и «нанял» около двухсот «рабов» для обработки полей вокруг особняка.

Послышалось низкое рычание северян. За последние две сена ночи после выхода из северных ворот они захватили четыре крупных поместья и полдюжины поменьше и нашли в каждом из них рабов. Эти рабы тоже не были замаскированы под «слуг»; на них были ошейники и клейма, и у многих из них были шрамы от ударов плетью.

Владельцы этих поместий были по большей части отсутствующими хозяевами, предпочитая жить в городе и оставляя управление своими поместьями надсмотрщику и небольшому отряду стражников. Эти люди либо пытались сопротивляться тяжелой кавалерии и пехоте и погибли за это, либо были впоследствии убиты либо недавно освобожденными рабами, либо северными солдатами, возмущенными злом, свидетелями которого они стали. В первом поместье, которое они освободили, Эддард наткнулся на надзирателя, который порол женщину, когда подъехали северяне; очевидно, ее преступление состояло в том, что она разбила некую вазу, которую хозяин ценил, пока она убиралась в доме.

Эддард тут же обезглавил его, как и всех остальных охранников поместья. После этого в каждом поместье любой надзиратель или охранник, схваченный живым после оказания сопротивления, подвергался такому же обращению либо со стороны самого Эддарда, либо со стороны любого другого северянина. Как говорится, милосердие к виновному было жестокостью к невиновному.

— Полагаю, тот же метод, что и у других? — спросила Мейдж Мормонт, приподняв бровь, и Эддард кивнул.

— Да, — сказал он, приложив палец к карте. — Арнольф, бери всадников и объезжай поместье на восток. Марк, ведите своих всадников прямо по дороге и отрежьте все пути к северу. Грейтджон, твоя пехота будет охранять особняк, пока люди Венделла расчищают территорию. Не трудитесь объявлять о себе, мы можем сделать это позже». По строжайшему закону они должны были заявить о себе и призвать лицо или лиц, указанных в приказе об аресте, сдать, прежде чем нападать на них, но юстициарий Бахолис дал им право изменить свои методы, если

они сочтут это необходимым. Учитывая такие инструкции и растущее отвращение к тому, чему они были свидетелями, вестерози возвращались к правилам войны, где справедливое предупреждение не требовалось. — Если этот Иллирио сдастся, мы отправим его обратно в Пентос для суда. Если он решит сопротивляться, — пожал плечами Эддард, — тогда ему лучше знать. Пусть его дела будут на его голове». Его лейтенанты расплылись в волчьих улыбках. Единственный магистр, находившийся в его поместье, когда они его захватили, был убит при сопротивлении аресту; тот факт, что он не очень эффективно сопротивлялся, не был отмечен. Если мужчина обнажил меч, то он брал на себя ответственность за все, что с ним потом случилось.

Эддард встал и стряхнул пыль со своего полюса. — Садитесь, милорды.

XXX

— Что, черт возьми, — ровным голосом спросил Роберт, — все это?

Толпа женщин бурлила перед длинным низким зданием с одним входом и несколькими маленькими окнами. Некоторые падали на колени и раскачивались взад и вперед, плача. Одна каким-то образом взяла в руки нож и поранила себя; двое солдат отчаянно пытались остановить кровотечение из ее туловища. Но остальные, почти пятьдесят женщин, пытались добраться до дрожащего магистра, который сдался и теперь охранялся взводом алебардистов, которые были полностью заняты тем, чтобы держать женщин в страхе древками своего оружия. Аккуратно удерживая их в страхе, потому что почти все женщины были явно беременны.

— Судя по всему, милорд, — сказал командир отряда, седой ветеран с размашистыми усами, — здешний магистр управлял этим местом как школой для рабов для удовольствий. Скупал молодых женщин-рабынь у работорговцев и учил их, как доставить удовольствие мужчине. Лицо сержанта окаменело. — Что касается того, почему они беременны, очевидно, магистры платили больше за рабынь, чья плодовитость была доказана. Меньший риск естественного прироста, чем при отправке нового поголовья за Браавоси, или так, как сказал нам бухгалтер, когда мы ставили ему железо.

Роберт с трудом сдерживал свое горло. Боги знали, что у него был блуждающий глаз и он сам любил женщин, но это было... жестокий. «Что происходит с их детьми?» — тихо спросил он, вспомнив свою дочь в Долине, свою маленькую Мию.

— Продано другим магистрам, милорд, опять же, по словам бухгалтера, — сказал сержант. «Очевидно, здесь модно, чтобы знатные дети имели компаньонку-рабыню своего возраста». Его лицо помрачнело. «Помимо того, что... Бухгалтер сказал нам, что они угождают всем вкусам, милорд. Э-э, разрешите сегодня выпить, милорд? Я мог бы обойтись и без того, чтобы знать кое-что из того, что рассказал нам этот бухгалтер.

Роберт был слишком далеко в шоке, зарождающемся ужасе и растущем гневе, чтобы сделать что-то большее, чем жестом согласия сержанту, когда он вел свою лошадь к магистру и спешил. Дети, ради любви к богам. "Почему?" — спросил он дородного магистра дрожащим голосом.

Магистр упал на колени и схватился за поножи Роберта. — Милосердие, господин, — пробормотал он. — Милосердие, умоляю...

Роберт оборвал его ударом с разворота рукой в перчатке, которая открыла рану на скуле магистра и сбила его с ног. — Я задал тебе вопрос, работорговец! — взревел он, выхватывая

молот из кобуры на луке седла. «Почему, Ады забирают твою душу?! Дети, ради всего святого!»

Магистр коснулся разбитой щеки, посмотрел на кровь на пальцах и стал очень спокоен, страх на его лице сменился холодным равнодушием. «Потому что это удовлетворило потребность, и мне за это хорошо заплатили», — сказал он холодным голосом. "Почему бы и нет? Не то чтобы они были важны или что-то в этом роде, — продолжил он, поднимаясь и отряхивая мантию. «Они были рабами с самого начала, и я должен был избавиться от них. Просто дело дела».

Боевой молот Роберта был могучим оружием; семифунтовый зазубренный квадратный молот, поддерживаемый пирамидальным шипом длиной в фут и увенчанный наконечником копья размером с человеческую руку, уравновешенным на другом конце трехфунтовой рукояти круглым железным шаром, наполненным тремя фунтами свинца. Геркулесова рука Роберта толкнула его, и он мог сломать нагрудник или прогнуться в шлеме.

Когда Роберт, ослепленный красной яростью, взмахнул им и вонзил его в голову магистра, череп магистра не столько сломался, сколько раскололся.

Роберт пришел в себя почти через минуту, тяжело дыша, когда он стоял над изуродованным трупом магистра, как медведь над своей добычей, а весь двор смотрел на него со смесью благоговения и ужаса. Вспомнив, наконец, кто, где и что он, он плюнул на труп магистра и повернулся к усатому сержанту, рассеянно вытягивая тряпку из-за пояса. «Проследи, чтобы об этих женщинах позаботились», — скомандовал он, начиная счищать запекшуюся кровь с молота. «У нас есть несколько женщин с обозом; смотри, чтобы они оказали ту помощь, которую могут оказать. Ни один мужчина не должен прикасаться к ним без явного приглашения». Он посмотрел сержанту в глаза, округлившиеся от шока. — Это ясно?

Сержант так сильно закивал, что чуть не дал себе хлыст.

XXX

«Я совершил ошибку», — с сожалением подумал Джейме Ланнистер, когда у него закружилась голова.

До него доходили слухи прошлой семерки, что магистры и землевладельцы южных Флатландий вступили в переговоры с наемниками, чтобы защитить свои поместья, но он не принял эти слухи во внимание. Большая часть богатства, доступного магистрам, была либо монетами, хранившимися в конторах и хранилищах ростовщиков в городе Пентос и, следовательно, забранными компанией и Браавоси, либо же они были привязаны к их рабам. Он не думал, что у них будет достаточно ликвидного богатства, чтобы нанять наемников.

Видимо, он ошибся.

Он маршировал по южной дороге из Пентоса уже две недели, делая то же самое, что Старк, Талли, Корбрей и Баратеон делали в остальной части Флатландии; исполнение приказов об аресте магистров, которых не было в городе, когда компания захватила его, и освобождение рабов во внутренних поместьях. Чтобы быстрее покрыть большую территорию, Хайме разделил свою кавалерию на полдюжины летучих колонн, каждая из которых состояла из пятидесяти рыцарей и латников, которые выстроились в отдалении от основных сил пехоты, чтобы нанести удар по поместьям за их линией марша. Раздраженный медленным продвижением пехоты, он передал Тайгетту командование и взял под свой контроль летучую колонну, которая опережала пехоту на два дня.

Что оставило его и его людей изолированными и уязвимыми для ответного удара, такого как тот, что обрушился на них тем утром.

Они бежали рысью по дороге, когда отряд из сотни кавалеристов вырвался из небольшой рожицы в двухстах ярдах от их правого фланга. Джейме уже собирался развернуть своих людей и контратаковать, когда заметил отряд кавалерии такого же размера, появившийся слева от них из углубления в земле. Отбросив осторожность на ветер, он все равно решил атаковать всадников справа, надеясь быстро сломить их, а затем повернуться против всадников, которые теперь были позади них.

Он хорошо разбил кавалерию перед собой, западные рыцари срывали их с лошадей своими длинными копьями и рубили их с седла мечом и топором, но он слишком затянул с этим, и всадники позади них поймали его рыцари почти остановились. Только три вещи спасли их. Во-первых, смешение западных рыцарей с всадниками Эссоси ослабило воздействие атаки. Во-вторых, пластинчатые доспехи рыцарей делали их почти непроницаемыми для ударов мечом одной рукой и трудно поражали даже топорами и боевыми молотами, в то время как их противники были облачены в более легкие доспехи в кольчугах или панцирях, и, следовательно, сравнительно уязвимы. В-третьих, и наконец, когда дело дошло до ударов руками, Грегор Клиган был лучшим бойцом в мире. Он держался за левый фланг Хайме, как будто был там привязан, и они вдвоем неистовствовали вокруг битвы, как вышибалы в таверне, разбивая группы вражеских всадников и сплачивая рыцарей по одному и по два, пока Эссоси не сломался.

Джейме не хотел брать Горы с собой, но отец настоял. Он не позволит, сказал он тем ужасным последним тоном голоса, который Джейме научился уважать в юном возрасте, допустить, чтобы его наследник пострадал из-за отсутствия защиты, и поэтому Джейме принял Клигана в качестве своего личного телохранителя. Затем отец отвел его в сторону и сказал, что если Клиган нарушит дисциплину, то он без колебаний казнит его на месте. Он сказал, что иметь самую подлую собаку в округе у себя на побегушках — это прекрасно, но собака, которая не подчиняется приказам, хороша только как пища для более послушных собак. Джейме с готовностью согласился; он не знал точно, что Клиган сделал с принцессой Элией, но не думал, что будет слишком сложно догадаться. У Горы была репутация.

Джейме сглотнул желчь, вызванную не только ударом топора по шлему. Его первое серьезное сражение в качестве независимого командира потерпело поражение. Обыкновенными наемниками, не меньше; поспешно допрошенный заключенный сказал им, что они были людьми из Компании Розы. Он потерял двадцать человек убитыми и пять тяжело ранеными, хотя, к счастью, ни один из них не был слишком тяжело ранен, чтобы ехать верхом. Тем не менее факт поражения обжигал его, как кислоту в кишечнике.

По крайней мере, он хорошо вел себя в настоящем бою и благополучно увел по крайней мере нескольких своих рыцарей. Мысль о том, что его схватят, была невыносимой.

XXX

Тигетт Ланнистер нахмурился, когда Джейме рассказал свою историю о засаде, поражении и потере половины своих сил. Я говорил тебе, что это плохая идея, но послушай, — проворчал он про себя, поворачиваясь к своим галопам. «Отправляйтесь к летучим колоннам», — сказал он. — Прикажи им немедленно присоединиться к основным силам. Мне также нужно, чтобы один из вас отправился в каждое из других подразделений и сообщил им, что они нужны нам для подкрепления. Эти магистры, похоже, хотят устроить из этого драку. Когда галоперы совещались между собой и ускакали прочь, он, взглянув на Хайме, который нетерпеливо

махнул им рукой, повернулся к своему брату. — Герион, нам нужно развернуться и вернуться на север, чтобы перегруппироваться с остальной ротой. Я разверну колонну, но мне нужно, чтобы ты взял наших всадников и прикрыл наше отступление. Нам нужно выяснить, с чем мы здесь столкнулись, и нам нужно держать это подальше от нас, пока мы выбираемся из этой неразберихи».

Герион кивнул, его обычно мерцающие глаза были смертельно серьезными. — Я устрою, — ответил он, поворачивая лошадь и галопом прочь, призывая офицеров авангарда.

Тайгетт повернулся к двум другим старшим офицерам Запада. — Лайл, Аддам, мне нужно, чтобы вы помогли мне организовать эту передвижную ярмарку. Я хочу, чтобы наша пехота построилась в коробку вокруг обозного обоза, а наша лошадь, когда мы вернем их, выстроилась на каждом углу, чтобы следить за засадой и сопровождать колонну. Лайл, ты будешь в задней части колонны, Аддам, ты будешь в передней.

Аддам Марбранд нахмурился. — Мы отступаем? — недоверчиво спросил он.

— Мы только что потеряли каждую двенадцатую часть нашей тяжелой кавалерии, мы идем по вражеской территории, а остатки нашей тяжелой кавалерии развеяны по ветру, а ближайшее подкрепление находится в двух с половиной сеньях отсюда, — мрачно сказал Тигетт. — Держу пари, что мы отступаем; по крайней мере, до тех пор, пока мы не объединим наши силы, не воссоединимся с остальной частью роты и не получим лучшее представление о том, с чем нам предстоит столкнуться.

Лайл Крейкхолл взглянул на Джейме, который утвердительно кивнул, и сам кивнул. — Я могу купить это, — пророкотал он. — Я буду держать тыл колонны вместе, сир Тигетт, если мне придется держать их вместе голыми руками.

— Хорошо, потому что тебе это может понадобиться, — ответил Тайгетт, поворачиваясь спиной к Аддаму. «Аддам, если вы столкнетесь с оппозицией впереди вас, мне нужно, чтобы вы справились с ней. Не беги так быстро, чтобы оставить нас позади, но не позволяй никому и ничему остановить тебя».

Аддам кивнул, его лицо стало серьезным. — Буду, сир, — просто сказал он.

— Тогда давай, приступай, — сказал Тигетт, отмахиваясь от молодых рыцарей и поворачиваясь в седле, чтобы свирепо посмотреть на юг. Его дурацкий племянник был изрядно избит и избежал смерти или плена, но если повезет, они смогут уберечь остальную часть дивизии от катастрофы, по крайней мере, до тех пор, пока не получат подкрепления. И когда мы снова прибудем на юг, поклялся он себе, мы увидим, как хорошо эти магистры будут сражаться с армией.

<http://tl.rulate.ru/book/82264/2568719>